

Г.Э. Фальковский. Из личного фотоархива

Письмо в редакцию

Для меня, единственного живого соавтора книги, глава из которой предлагается вашему вниманию, само это предложение (опубликовать введение из монографии — *прим. ред.*) было большой честью, и в то же время вызвало некоторое удивление. Прошло полвека после первой пересадки сердца, и если в 1967 г. это было сенсацией, то сегодня стало обычной процедурой, которая выполняется во многих крупных центрах мира с достаточно предсказуемыми и изученными результатами. С точки зрения истории полвека — совсем небольшой срок, и мы не можем не поражаться быстроте такого прогресса медицинской науки.

Но 50 лет назад все было иначе. Этот период в кардиохирургии можно назвать романтическим. В 1960–1975 гг. кардиохирургия прошла путь от поисков и потерь до фантастического прорыва технологий и их

стандартизации. История пересадки сердца является наглядной иллюстрацией этого прогресса. В те годы в каждом журнале можно было прочитать о новых методах хирургического лечения ранее неизлечимой патологии, о новых приемах хирургической техники или новых аппаратах искусственного кровообращения. В СССР, например, шла борьба двух направлений: между школой Е.Н. Мешалкина, внедрившего метод глубокой гипотермии для выключения сердца из кровообращения, и остальными школами, которые применяли и совершенствовали аппаратуру искусственного кровообращения.

На этом фоне появление сообщения Кристиана Барнарда о первой пересадке сердца, пусть пока неудачной, особой реакции у специалистов не вызвало — все к этому шло. Но общественность не была готова к та-

кому прорыву. Ведь сочетание понятий «сердце» и «пересадка» оказалось шоком для публики и благодарной почвой для спекуляций.

С этой точки зрения обзор событий того времени, отраженный в 1-й главе нашей книги, может представлять определенный интерес, потому что собирался одновременно с происходившими событиями, хотя и опубликован на 10 лет позже (1977 г.). Это была еще эпоха без компьютеров и интернета, и доступ к сведениям оказался непростым, как и публикация данной книги.

Дело в том, что операция пересадки сердца и ее кажущаяся техническая простота повлекла за собой, очевидно, создание первого в практике кардиохирургии всемирного регистра данных операций. Это было своеобразной попыткой медицинской общественности установить контроль за результатами и объективно оценить метод. Но хирурги вообще, а кардиохирурги в особенности, люди, как правило, весьма честолюбивые. Сам факт появления такого всемирного регистра послужил для некоторых хирургов стимулом повторить пересадку сердца, не имея для этого достаточной подготовки и ресурсов. Тем более сам К. Барнард, выполнив эту операцию, внезапно стал фигурой мирового масштаба. Его фотографии с Папой Римским и Джинной Лоллобриджидой обошли весь мир и не сходили со страниц газет. Никаким предшествующим экспериментальным опытом не обладал и не был особенно известен кардиохирургической общественности. Он был всего лишь одним из учеников Уолтона Лиллехая, пионера кардиохирургии, но таких было много, в том числе и пионер экспериментальной пересадки сердца Норман Шамуэй. Тем не менее пример быстрого и легкого достижения славы, который подал Барнард, оказался привлекательным для многих.

Словом, время было подходящее для всяких соблазнов. Я думаю, что тогдашний министр здравоохранения Б.В. Петровский был абсолютно прав, когда по-советски запретил операцию пересадки сердца в стране. Но вот запрещать еще и публикации по этой теме было, очевидно, излишним. Как мы знаем, великий А.А. Вишневский, главный хирург Министерства обороны, сделал первую пересадку сердца в СССР на базе Военно-медицинской академии в Ленинграде вопреки всем запретам Б.В. Петровского, поскольку по положению ему не подчинялся. Это был скорее вызов, чем ответственность за результат, но имя А.А. Вишневского, как первого хирурга в СССР, осу-

ществившего пересадку сердца, осталось в международном регистре.

В это же время в Институте сердечно-сосудистой хирургии шли эксперименты по пересадке сердца, и мне была вверена данная проблема вместе с лабораторией. Бесконечные опыты шли неудачно. Собаки, ради которых забивали еще 5–10, чтобы заполнить кровью аппарат искусственного кровообращения, не хотели выживать. Снабжение лаборатории, как это часто бывало, производилось по остаточному принципу: использовалось все то, что пришло в негодность и не могло использоваться в клинике. Шовный материал, к примеру, был ужасным, и многие животные погибали от кровотечения из многочисленных швов... Мысли о том, что опыты на собаках должны быть обеспечены лучше, чем клинические операции, не находили поддержки «сверху».

В то же время в некоторых зарубежных центрах программы пересадки сердца шли довольно успешно, и нам необходимо было получать от них информацию, чтобы знать, в каком направлении развиваться. Сегодня трудно представить, что когда-то информация не была доступна, но в те годы все новости «оттуда» были сильно цензурированы. А после министерского запрета новости о пересадках сердца не публиковались, и даже само словосочетание «пересадка сердца» не упоминалось в печати. И вот тогда мне стал помогать один мой замечательный друг, который работал в Телеграфном агентстве Советского Союза (ТАСС). Это агентство, единственное в стране, получало сведения о новостях и сплетнях со всего мира в постоянном режиме. Так вот, мой друг стал снабжать меня материалами на серых верстовых, плохо видимых листах. Называлось это «белый ТАСС». Справедливости ради скажу, что там был материал, касающийся только пересадок сердца в мире, но для меня это было достаточно. Поступок моего друга можно отнести к своего рода человеческим подвигам. Он делал это не сообразно системе, а вопреки ей, но и антисоветского вроде в нем тоже не было, то есть он совершил достойный поступок, будучи частью той системы, поэтому история создания данной главы достойна описания.

Необходимо отметить, что идея написать книгу тогда была несколько странной. Как можно было об этом писать, когда тема находилась под запретом? Тем не менее идею книги подал Владимир Иванович Бураковский, мой учитель и шеф, который сказал по поводу собранного материала: «Освойте, что есть, и пишите».

Большую заинтересованность проявила работавшая тогда в моей лаборатории Мирра Александровна Фролова, которая написала все, касающееся иммунологии и отторжения. Она и меня постоянно подталкивала с этой книгой. Я в свою очередь описал происходящий в мире бум, связанный с пересадкой сердца, описал и наши экспериментальные исследования — попытки принять участие в международном процессе. Материал вошел в книгу, а потом и в мою диссертацию, хотя тогда это никому не было нужно. Издать книгу после приказа Б.В. Петровского в Москве никто бы не решился. Это было очевидно. Даже В.И. Бураковский с его связями, знавший всех в издательстве «Медицина», не хотел идти на риск отказа, скандала, открытого конфликта с Б.В. Петровским, который издавал в том же издательстве по 3–4 монографии в год. И тогда Владимир Иванович, опытный политик, решил издать книгу у себя на родине, в Тбилиси, где его связи были особенно сильны. Он ведь вырос в этом городе и был его любимцем... Одним словом, М.А. Фролова и я — два соавтора — были откомандированы в Тбилиси, поселены в главную гостиницу, среди кварталов невысоких домашних и уютных тбилисских домов. И там мы две недели готовили книгу к публикации и правили гранки.

По тем временам это было сделано в рекордные сроки, хотя были какие-то проблемы с бумагой. В результате в сентябре 1977 г. книга была наконец напечатана и стала продаваться в книжных магазинах. Я тогда жил в центре Москвы, где и вырос, и книжный магазин на Мясницкой был «моим». Я приходил туда и, как автор, ревниво, с грустью смотрел на самую верхнюю полку медицинского прилавка, где зеленели корешки этой странной и никому тогда не нужной книги... Что от нее сегодня осталось: литературный обзор, который, наверное, представляет интерес, и заключение — единственное, что написано лично В.И. Бураковским. Он почему-то перечитывал мне потом несколько раз это заключение, очевидно, гордясь им. И я не знаю, на каком этапе была выброшена написанная мной тогда фраза «сегодня хирургия резекций, экстирпаций, ампутиаций на наших глазах заменяется хирургией пластик, реконструкций и трансплантаций». Я не помню, когда и где это написал, но, занимаясь тогда пересадкой сердца, я это предвидел.

*Георгий Эдуардович Фальковский,
доктор медицинских наук, профессор,
лауреат Государственной премии СССР*